

-На

крепкий, жилистый мальчишка. А мешки с льяным семенем были по 90 кг — тяжелый очень продукт, — и мы таскали по сходам их на баржу и обратно. А потом меня взяли на работу в инкубатор. У меня был портфель, в котором лежали бланки договоров, и я ходил по колхозам, пытался заполнить яйца. Так меня собаками травили, гнали из деревень: какие яйца, когда люди дошли с голода? Инкубаторская деятельность длилась недолго. Однажды меня послали далеко, 45 км лесом идти. Дали старую лошадаку, санки, я дошел до деревни, а наутро выяснилось, что лошада моя сдохла. Обратный путь — пешком и на пузе по реке Вятке.

Кстати, когда мы недавно были на гастролях в Вятке, я попросил свести меня в те места, в село Сорвижи. Они такую встречу мне устроили! Священник отслужил службу в мою честь. У меня слезы текли. А какая-то старушка подошла, старенькая, вся трясется и говорит: "Кирка, ты помнишь, я ведь в тебя влюблена была. А ты на меня и не смотрел. Ты все за

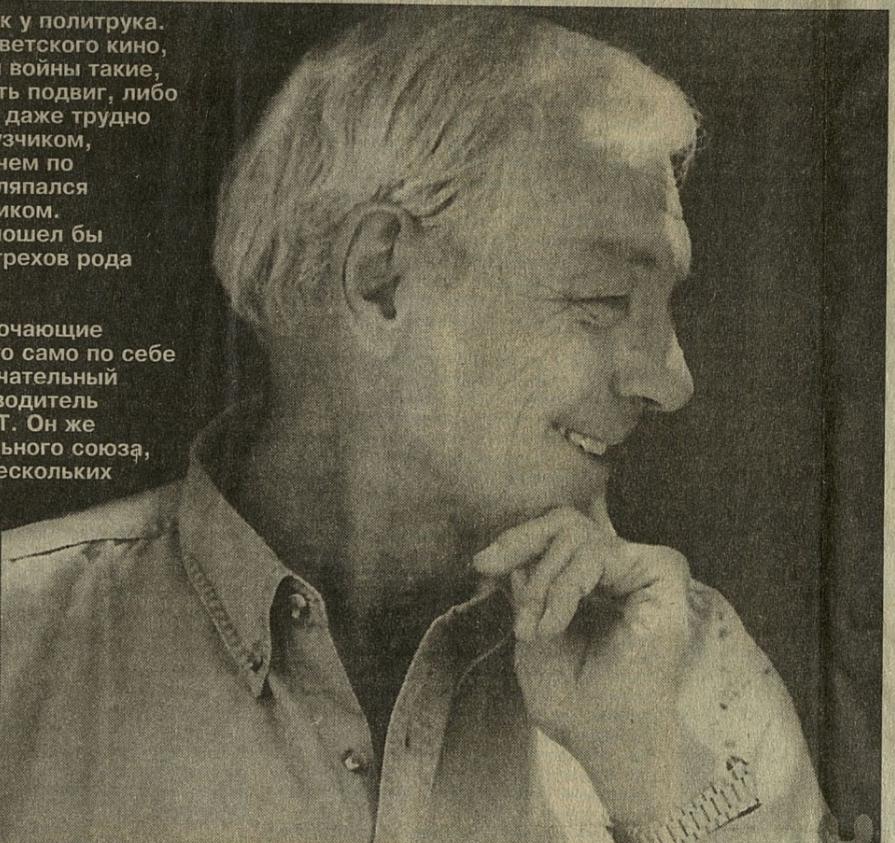
все двери открывал, и его боялись).
 — Ты дал рекомендацию Улик?
 — Да.
 — Ты не понимаешь, что ты сделал? Она же еврейка.
 — Ну и что? Я не понимаю, что вы мне говорите.
 Он перенулся через стол:
 — Жаловаться пойдешь? А я скажу, что этого не было. Мне поверят, а тебе — нет.
 Для меня это было таким потрясением, что я тут же кинулся в райком партии, написал заявление, где изложил все и закончил: "С этим человеком в одном театре я работать больше не могу". Тогда я верил в высшую справедливость.
 — **Взяли и накатали бумагу не на когнибудь, а на зятя главы государства. Хотелось бы понять природу поступка — смелость или глупость?**
 — Наивность. Она даже сейчас сохранилась. И сейчас бывают моменты, когда я совершенно не могу перенести несправедливости, отчего могу наделаться глупостей. У Константина Симонова, помните, в книге "Последнее лето". Вот он точно усек, когда писал, как генерал Серпилин (его в кино играл Папанов) пошел к Сталину, чтобы все тому выложить начистоту. "Серпилин, выходя из кабинета, вдруг отчетливо понял, что жаловаться некому". А я верил,

час форточку открюю.
 — **Спасибо за заботу о трудящихся. Но Молчалин — это вершина вашей мерзости? То есть не вашей лично.**
 — Да. В начале я репетировал его бездарно. Но Товстоногов (Георгий Александрович Товстоногов — главный режиссер БДТ с 1956 по 1989 гг. — М.Р.) использовал мою фактуру, узнаваемость, и это ложилось на его современное видение молчалиных. Ведь он же, Молчалин, не на цыпочках и не богат словами, а делает все расчетливо, ради карьеры. Я таких много видел инструкторов, депутатов, которые отлично понимали, что живут не по совести, а как надо.
 — **Вот! Ваша депутатская жизнь — отдельная глава. Но прежде — мне кажется, вы недооцениваете собственные возможности в создании образов негодяев. Вот ведь Ленин — ваш персонаж, не отпирайтесь.**
 — Тут все неоднозначно. Я все-таки не верю в таких людей, которые с юности становятся мерзавцами. Вот смотрите — маленький, плюгавенький, лысенький, и в течение года он объедняет, организует и заваривает такую бучу... А ведь до него были люди. Как этот смог?
 — **Ну тому, что Калягину дали роль Ленина, я нисколько не удивляюсь — маленький, плотненький, динамичный. А вы — с мужественным, даже красивым лицом, с**

моего участия.
 — **Позвольте вам не поверить.**
 — Клянусь вам, мне звонят: "Будем вас выдвигать в депутаты". Бац — выбрали. Умер замечательный артист Толубеев, и меня выбрали председателем питерского ВТО. Образовался Союз театралных деятелей СССР — меня избрали президентом.
 — **То есть, вы лежите, курите, а вам сообщают, что вы уже... депутат.**
 — Депутатство — это вообще выдуманный буферный институт между народом и властью. Причем этот буфер ничего не может сделать. Я принимаю жалобы от людей, иду к начальству, меня посылают. Если мне что-то и удавалось, то только в силу известности. Я был счастлив, когда меня люди приглашали на новоселье и в честь меня называли сына. А потом — у меня армейская закваска, я старался делать все как можно лучше.
 — **А вы пользовались ленинским обаянием?**
 — Это интересно: я чувствовал, что свет ленинской роли на чиновников действует. И просители ко мне апеллировали: "Вы же для нас Владимир Ильич". А однажды ехал на дачу, зашел в селцо, а там какая-то бабушка как завопит: "Ленин, Ленин!" и пулей вылетела.
 — **Это замечательно, что как депутат вы помогли многим людям улучшить свои жилищусловия. Но лично мне хотелось бы понять, как чувствуют себя демократы-депутаты того исторического съезда Верховного Совета, когда при их молчаливом участии захлопали и унизили Сахарова? Не сочтите это претензией моего поколения к вашему, но все же...**
 — ???
 — ...Тогда зал был разделен на две части: одна захлопывала, другая — демократически настроенные люди... Все правильно... За такие моменты приходится раскаиваться всю жизнь. Я тоже считаю, что когда была устроена obstruction Андрею Дмитриевичу, то какую-то акцию мы должны были сделать... Но... стыдно... До сих пор.
 А потом, я ведь все понимаю, что это общественная лабуда мешает моей актерской профессии и что кое-кто из моих коллег считали и, наверное, до сих пор считают, что я всего добился, потому что коммунист, депутат. А с другой стороны, когда после смерти Товстоногова все мои товарищи тайным голосованием выбрали меня худруком, это что-то значит.
 Да не люблю я эти интервью. Человек начинает выдумывать чего-то, врать... Вот я вам наврал.
 — ???
 — Помните, спрашивали, когда было страшно? И я сказал — стукнули по башке. Да не страшно было. Больно. А испытывал страх, когда мой сын в критическом возрасте лет 14-15 в 2 часа ночи возвращался домой. Я вообще безумно всегда боюсь за своих детей. Животный страх испытываю, хотя никогда не показываю.
 — **Вы могли бы на себя взять материнские обязанности при таких трепетных отцовских чувствах?**
 — Да нормально это — бояться за своих детей. И потом, я же Дева, хотя грудью не кормил, обеды не готовил.
 — **Ваша дочь Маша — актриса БДТ. Когда вам приходится распределять роли и очередь доходит до нее...**
 — Она никаких привилегий не получает. Протекционизма у нас в семье быть не может. После института Маша работала не в БДТ, а в ТЮЗе. И в наш театр пригласил ее не я, а наш режиссер, для постановки "Трех сестер".
 Вообще я замкнутый человек. Не болтли, не терплю сплетен, интриг.
 — **И не участвуете в них? Как с такими качествами можно быть руководителем театра?**
 — Наверное, это трудно. Наверное, я плохой худрук. Я в последнюю очередь узнаю о романах в театре, меня легко можно провести.
 — **Но как в таком случае вы строите взаимоотношения с примадоннами, поступки которых — вне всякой логики и законов. Выходит, что вы в театре — белая ворона, как парторг, попавший сюда по разнарядке?**
 — Я бы с парторгом не сравнивал себя. Они, раньше направляемые партией в театр, ничего в нем не смыслили. А я все знаю. Мое нежелание жить по законам закулисья, но знание этих законов дает мне силу общаться с примадоннами и женского, и мужского пола.
 — **Все-таки, Кирилл Юрьевич, вы какой-то неправильный артист: а) баек не рассказываете, б) в закулисье жизнь не играете. Соврала — и то признались.**
 — А может, мне это помогает — беловоронистость. Как помогает? Ко мне всегда хорошо относился Товстоногов. Однажды меня вызвал первый секретарь Ленинградского обкома Романов. Мы полтора часа разговаривали, и я пытался убедить его в том, что Товстоногов (в то время к нему относились как к внутреннему диссиденту) — это художник, составляющий честь города, его не надо третировать, а надо поддерживать. И вот кто-то из добродетелей пересказал Товстоногову весь мой разговор с Романовым, только наоборот: что я рвусь к власти, прошу его убрать. Товстоногов как будто бы перестал меня замечать. Я переживал, а потом не выдержал: "Я такой человек, скажите мне прямо в глаза..." И тут он как с цепи сорвался: "Да, Кира, мне рассказали..." в общем, все выяснилось, и у нас установились такие отношения, что он мне поверял самые интимные свои мысли. Я терпеть ненавижу недоразумения. Я люблю все выяснять до конца, до ясности.
 — **Как всякая белая ворона, Лавров — одинок?**
 — Чувствую себя одиноким.
 — **Вы так много курите. А возраст? А здоровье?**
 — Полторы пачки в день уходит. А что здоровье? Как масло коровье, — говорил Чебутькин.
 — **Да вы философ!**
 — Философ. Я знаю, что в театре (да и не только в нашем) может наступить период упадка. Но все равно — театр останется. И, как говорил Чехов, придут новые, те, которые будут жить через 100-200 лет после нас и которые будут презирать нас за то, что мы прожили свою жизнь так глупо, так безвкусно. Те, может быть, найдут средство, как быть счастливыми. А мы... у нас одна надежда есть. Надежда, что когда мы будем почивать в своих гробах, то нас посетят видения. Быть может, даже приятные.

У него честное, открытое лицо, как у политрука. И мы, замученные стереотипами советского кино, должны быть уверены, что во время войны такие, как он, должны были либо совершить подвиг, либо погибнуть при совершении оного. И даже трудно поверить, что в прошлом он был грузчиком, заготовителем яиц и физруком, неучем по актерской линии, который чуть не вляпался в историю с хрущевским родственником. Про таких, как он, говорят: "С ним пошел бы в разведку". И похоже, что из всех грехов рода человеческого у него только один — он беспросветный курильщик.
 В нем уживаются две взаимоисключающие личности — художник и чиновник, что само по себе драматично. Кирилл Лавров — замечательный артист театра и кино. Он же — руководитель легендарного питерского театра БДТ. Он же президент Международного театралного союза, а в недавнем прошлом — депутат нескольких созывов Верховного Совета СССР.

Д

Неправильный

АРТИСТ

Валькой Веткиной бегал". Ох, классно же было! Ну голодно, а теперь кажется, что классно. Через полгода я стал бегать по военкоматам и требовать, чтобы меня взяли на фронт.
 — **Честно — хотелось?**
 — У! Безумно. Рвался.
 — **А если убьют?**
 — Не думал. Искренне хотел защищать Родину и не представлял, что такое война. Тогда было что защищать. Но мечта моя так и не осуществилась. В 43-м меня зачислили в училище, и в 45-м я закончил его в качестве авиационного техника. С отличием, между прочим. Меня перекинули на Дальний Восток, где затевалась заварушка с Японией. Приехал в Южносахалинск, а город горит. Так мы нашли завод с японской водкой — сакэ, и все воины-освободители с котелками двинули туда.
 — **И вы...**
 — Конечно, набрал.
 — **Там вы в первый раз попробовали алкоголь?**
 — Нет, еще в Ленинграде до войны. У меня приятель был — Головастики, и его папа с мамой варили бражку. И вот помню: он вытаскивал из-под кровати жбан, мы трескали по стаканчику и шли на первомайскую демонстрацию. Но... южносахалинская сакэ кончилась, и меня перебросили на Курильские острова, где я оттрубил 5 лет. Именно здесь во мне проснулась страсть к театру, о котором раньше и слышать не хотел. Хотя я из театральной семьи (отец Кирилл — Юрий Лавров — был одним из лучших актеров Киевского театра им.Леси Украинки. — М.Р.). Вообще, на Курилах много было у меня всяких эпизодов.
 — **А страшные были?**
 — Это когда мне череп проломил. Ночью я возвращался в свою землянку, согнулся под шквальным ветром в надрывной фуражке и вдруг почувствовал страшный удар. Очнулся только утром в грязной луже с кровью, так и не поняв, кто же меня хотел убить. Спасла меня большая звезда на фуражке, которую накануне прислала мама. Звезда вся была разбита и вмялась в лоб. Вот дырка только осталась, видите?
 — **А в переносном смысле артист Лавров получал по морде?**
 — У меня есть черта, не знаю, как это называется: я болезненно переношу попытки унижить меня, оскорбить. Был такой случай... в Киеве. Я приехал в Киев работать после Курил. Но, поскольку не имел законченного среднего образования, меня взяли только в вспомогательный состав. Как молодого коммуниста меня "бросили" на комсомольскую организацию в театре. И вот наша актриса Вера Улик решила вступить в партию, попросила у меня рекомендацию. Я, конечно, дал. На другой день меня вызывает директор театра Гондарь, который был близким родственником Хрущева (он ногой

что есть кому.
 — **И чем ваше "хрущевское" дело кончилось?**
 — Тем, что меня каждый день стали вызывать в райком и просили забрать заявление. А бумага отдана. Надо реагировать. Горком, обком, наконец меня вызвали в ЦК компартии Украины. В большом кабинете маленький человечек усадил меня рядом с собой и полчаса расспрашивал про дела театра, ни слова не говоря о моем деле. После этого меня на черной машине отвезли в театр. Главная театральная сплетница Киева развонила всему городу, что меня "доставили". Историю попросту закрыли. Но в Киеве я работать не смог. Хрущевский зять сгноил бы меня. И тут я получил приглашение от нашего замечательного худрука Киевского театра, Константина Хохлова, переехавшего в Питер, приехать в БДТ (Большой Драматический театр Санкт-Петербурга. — М.Р.)
 — **Но тогда, Кирилл Юрьевич, вам было 25, а сейчас 72. Сейчас вы верите в справедливость или возможность справедливости? — спрашиваю я вас, спрашивают себя нормальные люди.**
 — В этом смысле я давно потерял надежду. Ведь я не учился в институте, миновал студенческую среду, во все времена радикально настроенную. Я воспитывался в армии, где 8 лет каждый день мне вдалбливали, вдалбливали, вдалбливали...
 — **А вы не жалеете, что так и не получили актерского образования, став на самом деле очень сильным профессионалом?**
 — Как не жалел? Всегда чувствовал, и по зарплате, которая была самой маленькой. И тогда, когда меня предложили перевести из вспомогательного состава в основной: коллеги возмущались: "Как можно? У него же нет образования".
 — **У вас такая актерская фактура, что мне трудно поверить, что вам по-настоящему может удасться роль негодяя.**
 — Но почему же? Я играл плохого секретаря обкома в фильме Трегубовича. Я убил Тузенбаха в "Трех сестрах" у Товстоногова. В "Четвертом" я сыграл ахулу капитализма — Чарльза Говарда, и после этой роли меня как артиста наконец признал отец. Я играл одну из своих любимых ролей — Молчалина в "Горе от ума". Ой, да я вижу, я вас совсем обкурил. Сей-

военно-спортивной выправкой. Спокойный, если не сказать флегматичный. Опять же волосы на голове имеются.
 — На Ленина я пробовался на Мосфильме у покойного режиссера Рыбакова — полное фиаско. И после этого отказал Трегубовичу, который затеял снимать "Доверие". Он прислал ко мне в театр примера, и тот чего-то подклеил, подрисовал кисточкой на моем лице. Надели кепку и... меня утвердили. А тут еще в Финляндию на съемки надо было ехать. Опять же приятно. Кеша Смоктуновский играл — вдвойне приятно. В театре я сыграл Ленина четыре раза и дважды в кино. Критики потом писали, что у меня ленинский прищур и я говорю голосом Ленина... Нет, с ним все неоднозначно. Все его жестокости известны, а наряду с этим показная (а может, и непоказная) простота и скромность. Ведь он своего коменданта за спиленное дерево разжаловал.
 — **Конечно, разжаловал, а ведь мог бы и бритвой по горлу. Кстати, а сколько стоила Ленинская премия, которую непременно получали все воплотители его образа в искусстве?**
 — Десять тысяч рублей.
 — **А помните, что приобрели благодаря Ильичу?**
 — У меня тогда сгорела дача, и я построил фундамент. Потом пять лет работал и снимался в эту дачу. Так что она у меня памятником стоит Владимиру Ильичу.
 — **Вот ведь феномен: благодаря Ульянову-Ленину вы укрепили свое материальное, профессиональное и общественное положение. Но у вас есть роли — замечательные, с моей точки зрения, которые никак не отмечены. Например, роль Нила в спектакле "Мещане". Его иногда по телевизору показываю.**
 — А я вам скажу, почему не получалось ничего. На гастролях в Румынии нас принимал Чаушеску — тогда секретарь по идеологии ЦК. Так он мне сказал: "Глядя на вашего Нила, понимаешь, что придет 37-й год".
 — **Кирилл Юрьевич, я ошибаюсь или нет: когда актер, самое зависимое существо, становится начальником, чиновником, как вы, — это приятно, это греет душу после стольких лет зависимости?**
 — Да что в ней приятного, в должности? Вся моя общественная карьера строилась без

1997. — 27 сент. — с. 2
 Моск. Коммунальщ. —